

G. I. Avcinovoj [Technology political activity: experience, problems and priorities: Monograph under Society. Ed. OE Grishina, GI Avtsinova], RGSU; APKiPPRO, M.

Vig D. N., 1998. Tehnologija, filosofija i politika [Technology, Philosophy, Politics], Tradicijonaja i sovremennaja tehnologija: (filos.-metodol. analiz) [Technology, Philosophy, Politics, Traditional and modern technology: (filos.-methodology. Analysis)], M.

Makovejchuk A. V., 2012. Blogosfera kak novyj instrument formirovanija i prodvizhenija imidzha sub'ektov politicheskoj dejatel'nosti v sovremennoj Rossii [The blogosphere as a new instrument for shaping and promoting the image of subjects of political activity in modern Russia], Razvitie politicheskikh institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt: materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Development of political institutions and processes, foreign and domestic experience: Materials III All-Russian Scientific Conference], Izd-vo Om. gos. un-ta, Omsk.

Malinova O. Ju., 2007. Otchet o zasedanii seminaru «Politicheskie idei i ideologii v publichnoj sfere», Moskva, 14 maja [Report on the meeting of the seminar «Political ideas and ideology in the public sphere», Moscow, May 14], viewed: <http://rapn.ru/?grup=595&doc=2187>

Masterova Ju. I., 2009. Politicheskaja aktivnost' rossijskoj molodezhi v uslovijah rasprostraneniya informacionnyh tehnologij. Avtoref. diss. [The political activity of the Russian youth in terms of information technology, Author. diss.], M.

Podosokorskij N. N. Partijnaja aktivnost' v social'nyh setjah UDK 217

[Party activity in social networks], viewed: <http://blog.greensmm.ru/?p=281>

Prohorov A. Social'nye seti i Internet [Social networks and the Internet:], viewed: <http://www.compress.ru/article.aspx?id=16723&iid=776>

Rejting blogov Runeta [Top Blogs Runeta], viewed: <http://www.blogs.yandex.ru/top>

Smartfon, planshet ili obychnyj komp'juter: kak rossijane vyhodjat v internet? [The smartphone, tablet or a regular computer: how Russians go to the Internet?], 2012, Ezhenedel'nyj opros «Omnibus VCIOM» [Weekly Poll «Omnibus polls»], viewed: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112716>

Shabrov O. F., 1997. Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti i razvitiya [Political governance: the problem of stability and development], M.

Jusupovskij A. Politika i blogosfera: osobennosti russkogo virtual'nogo Gajd-parka [Policy and the blogosphere: features Russian virtual Hyde Park], viewed: http://www.russ.ru/politics/temy/russkaya_politsistema

Politika. XXI vek. Innovacionnye tehnologii. Monografija [Policy. The twenty-first century. Innovative technology. Monograph], 2013., pod obshh. red. M. G. Anohina, V. M. Platonova, O. E. Grishina, M.

Lane R. A., 1965. Political Life and How People Get involved in Politics, N.Y.

Надійшла до редколегії 15.05.2013 р.

В. В. Дементьева, А. П. Кваша

Донбасская государственная машиностроительная академия

СТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ВАЖНЕЙШЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КИЕВСКОЙ РУСИ

На протяжении веков универсальной, консолидирующей, мотивационно-инспирирующей силой во многих общественных системах выступала церковь. Поэтому ее мощный духовный потенциал становится особенно остро востребован в периоды общественных кризисов, трансформаций и нестабильности. Однако он до сих пор остается до конца не изученным и не исследованным в отечественной политологической мысли. Особенно мало исследованным остается такой важный поворотный момент в истории христианской церкви, как начало ее преобразование в один из основных политических институтов политической системы древнерусского общества. Изучению данного факта и посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: церковная организация, политические функции, политическая система общества, государство, культурная дифференциация.

В науке не установлены конкретные даты возникновения церковной организации на Руси. Ряд исследователей (Е. Е. Голубинский, М. Д. Приселков, В. О. Пархоменко) рекомендуют вести отсчет с 1037 г., когда в летописной статье впервые появляется упоминание о начале строительства церкви Святой Софии и церкви Благовещения Святой Богородицы «на Золотых Воротах», т. е. в Киеве. Существует также много других предположительных дат, среди которых мнение польского историка А. Поппе, который выставляет аргументы в пользу того, что первая митрополия в Киеве появилась сразу же после провозглашения христианства государственной религией Руси. Ссылаясь на свидетельства византийских источников, в которых содержится перечень всех митрополитских кафедр, подчиненных Константинополю, он датирует возникновение первой митрополии временем не позднее 997 г.

Наиболее важной считается дата возникновения именно церковной иерархизированной структуры, а не построение первого храма на Руси, поэтому отсчет церковной истории следует начинать с момента возникновения митрополии как структурированной церковной единицы, институализированной и обладающей качествами организации.

Другие исследователи, делая ударение на

идеологических элементах принятия христианства на Руси, процесс создания и укрепления церковной организации соединяют с длительным процессом утверждения христианской православной идеологии.

Например, О. М. Рапов в своем исследовании «Русская церковь в IX-первой трети XII века» не выделяет конкретно датировку становления церковной организации на Руси, а отмечает лишь моменты постройки отдельных храмов, которые сыграли определенную роль в утверждении христианства в качестве государственной религии. Опираясь на летописи, О. М. Рапов сообщает, что «на Руси было принято отмечать различные знаменательные события храмовым строительством» (Рапов 1988, р. 243) [1, с. 243], о чем в самой летописи, именуемой «Жития князя Владимира», сказано: «...и тогда обещаю Володимер поставити церковь свягаго Преображенья, бе то в ть день Преображенья Господне, егда си бысть сеча. Избыв же Володимер сего, постави церковь...». Появление подобного рода церквей отмечается историками задолго до официальной христианизации Руси.

В «Повести временных лет» указано, что в 991 г. были заложены основы первого христианского храма – церкви Успения Богородицы. Этот храм великий князь Владимир доверил Анастасию Корсунянину, с которым, согласно летописи, он поддерживал дружеские отношения и очень часто общался на религиозные темы.

Церковь была освящена в 996 г. и одной из основных ее функций являлась «охрана государственных и церковных Святынь» (Моця, Ричка 1996, р. 241) [2, с. 241]. Собственно, многие из первых древнерусских храмов являлись не только центрами религиозного культа, но и своеобразными памятниками каким-то важным событиям, а также людям, их основавшим, давшим им богатые дары – поминки по себе. Так, например, киевская Десятинная церковь сразу же после постройки, как отмечает О. М. Рапов, превратилась в такой музей-памятник Корсунскому походу, крещению Руси и самому князю Владимиру. Таким же музеем был и Успенский собор в городе Владимире-Залесском, где были выставлены для всеобщего обозрения одежды древних князей, иконы, книги, драгоценная утварь, пожертвованные храму представителями русской феодальной знати.

Безусловно, строительство первых храмов сыграло значительную роль в общем процессе христианизации Руси, и с момента своего возникновения первые церкви выполняли некоторые социальные, культурные и политические функции, которые имели позитивное влияние в целом на формирование и утверждение христианской идеологии, чем косвенно укрепляли и оформляли процесс становления киевской государственной организации.

На процесс становления церкви значительное влияние оказала также византийская модель объединения церкви и власти.

В качестве примера можно рассмотреть значение Новгородского Софийского собора, который представлял собой не только религиозный, но и политический центр города (в нем принимали великих русских князей, избирали новгородских архиепископов, возле него собиралось вече), а также «все, что создавалось «преудивительного» в Новгороде и привозилось из «заморских стран», шло в Софийский собор» (Nikitina 1967, р. 6–7) [3, с. 6–7]. То есть религиозные святыни и святыни государства (и духовные, и материальные) сливаются в представлениях русичей и имеют общий смысл и равную ценность.

Конечно, нельзя отрицать, что для христианских церквей (Восточной и Западной), успевших уже «неофициально» разделить к тому времени, распространение своего влияния на нехристианские народы и в социальном, и в политическом, и в экономическом плане сулило определенные выгоды. Но, при этом следует учитывать и выгоды самой Киевской Руси, стоявшей в тот период на геополитическом и культурном распутье. А также следует учесть, что во второй половине X века в Киевской Руси уже сформировались феодальные отношения. Язычество, как форма родоплеменной идеологии, уже не соответствовало новой социально-политической ситуации.

В «Повести временных лет» рассказывается о так называемом «испы-тании различных вер князем Владимиром. Владимир созвал своих бояр и градских старцев, рассказал им о приходе к нему мусульманских, иудейских, католических и православных проповедников и попросил совета у своих приближенных, какую религию следует принять Руси. Бояре и старцы посоветовали князю послать своих мужей в различные страны для испытания «кто како служить богу». Возвратившись, мужи сообщили, что их наиболее впечатлила служба в греческой церкви» (Рапов 1988, р. 218) [1, с. 218].

Что касается иудаизма и ислама, то и без «дальних

походов» культурное несоответствие данных религиозных систем славянской цивилизации очевидно. Выбор разумно было принять либо в пользу католической идеологии, либо в пользу православной. И Восточная, и Западная церкви, как уже отмечалось, в качестве средства упрочения своего геополитического влияния видели религию. Следовательно, принятие христианства, хоть Византийского, хоть Римского, неминуемо должно было бы привести к тому, что русские великие князья попали бы в вассальную зависимость от византийских или римских императоров, которые через Церковную организацию стали бы навязывать правителям Руси свою волю. В силу историко-политических обстоятельств этого не произошло.

Укрепление феодальных порядков и феодальной стратификации на Руси (то есть вертикальной соподчиненности всех членов социальной системы, высшей точкой которой мог быть только Бог) одновременно делегитимировало старые общественные установки, правила, отношения и Богов, олицетворяющих их. Однако этот процесс не был безболезненным. По мнению большинства историков, в некоторых регионах Руси христианство буквально навязывалось, а в некоторых землях, например, Новгородских, Суздальских, социальные протесты против новой веры принимали вид религиозно-политической борьбы. Так или иначе, но церковь в данном случае нельзя выставлять виновником социальных протестов и беспорядков. Напротив, имеются факты, подтверждающие, что церковь выполняла функцию стабилизации общественной системы в период ее трансформации в феодальное общество. Так, например, церковная организация, проводила достаточно гибкую политику, в которую включался и такой момент как защита наиболее обездоленных категорий населения древнерусского государства. Как отмечают в своих исследованиях О. П. Моця и В. М. Ричка, доступными ей методами она выступала против своеволия феодалов, жестких поборов с народа, крайностей общественной жизни того времени. Такая деятельность, конечно, не была абсолютно результативной, но все-таки объективно способствовала сглаживанию социальных противоречий и сохранению относительно стабильной и спокойной ситуации в стране.

Все вышеизложенные функции церкви касались внутренней жизни Киевской Руси. Однако церковь играла также важную роль и на макрополитическом уровне. Например, некоторое время она выполняла функцию утверждения автономии и независимости государства Киевская Русь. Одним из самых актуальных вопросов в период правления Владимира было сохранение Киевской Русью автономности и независимости от Византии. Факт принятия христианства кроме положительных сторон имел и отрицательные. Как уже отмечалось, у Византии имелись свои политические планы по поводу славянских земель – и культурно-религиозная зависимость Руси могла достаточно быстро трансформироваться в зависимость политическую. Причем эта проблема касалась бы не только Руси, но и других славянских государств, таких как Польша, Чехия, Сербия. Правители этих стран стремились утвердить свою культурную независимость путем создания собственной церковной епархии или даже отдельной автокефальной (самостоятельной) церкви. Поэтому совершенно неслучайно в церковно-исторических источниках, которые по мнению ряда историков являются поздним компонажем исторических текстов, подчеркивается

самостоятельность решения князя Владимира по поводу принятия христианства на Руси, а сам князь, стремясь избежать влияния присланного из Греции митрополита на государственные дела, отводит ему второстепенную роль в иерархии сакрально-политического соподчинения общественных субъектов, определив местом его пребывания окраинный город Переяслав. Владимир опасался, что власть митрополита со временем может выйти из-под контроля и захлестнуть мощным духовно-идеологическим давлением княжескую власть. Именно поэтому на золотых и серебряных монетах Владимира Святославовича правитель изображался с короной на голове и с крестом в правой руке. А изображение Христа и надпись «Владимир на престоле» придавали княжеской власти сакральную силу, подчеркивая освященные свыше полномочия и право на исключительную власть.

После крещения Руси всё богатство идей христианской этики стало, по сути, теоретической основой формирования таких социально-политических приоритетов, как государственная независимость, единство, справедливость, честность, законность и т. п.

Фактически в средневековой Руси не было такой области жизнедеятельности, которая была бы свободна от религиозных установок. Если говорить об этике, то идеология христианской церкви существенно повлияла на формирование и развитие этических воззрений первых древнерусских мыслителей.

Одним из талантливейших среди них считается князь Владимир Мономах. В его трудах, самый популярный из которых называется «Поучения», отображен процесс возникновения новой морали. В форме наставлений своим сыновьям-князьям Мономах изложил идеи по поводу мудрого управления государством. Среди наставлений наиболее важными являются следующие:

- не творить самим и запрещать чиновникам творить беззакония; то есть подчиняться законам, которые через князя установлены самим Богом;
- не потворствовать злу; злодеи будут уничтожены, «а те, кто надеется на Господа, будут владеть землёй. ...И не станет нечестивого, будет искать он место своё и не найдёт его» (Political Science 1994, p. 80) [4, с. 80].
- необходимость каждого (не зависимо от социального положения) заботиться о славе и могуществе державы; в противном случае человека ожидает проклятие небесное и проклятие собственного народа;
- призыв к смелости и самоотдаче: все пути человеческие определены Богом, поэтому в честном бою ничего плохого не может случиться с человеком, если не будет на то воли Божьей...;
- необходимость сохранения мира внутри страны и за её пределами. Таким образом, политические воззрения Владимира Мономаха впитали в себя основы христианской этики (они буквально построены на библейских выводах, что прослеживается даже при построении фраз в мономаховских «Поучениях») и явились выражением норм политической культуры периода существования Киевской Руси.

Из данного документа видно, что церковь и государство в то время были взаимозависимы. Даже их организационные структуры были по своим иерархическим образцам похожи. Ряд функций политической системы общества они выполняли вместе (например: интегративную, культурно-воспитательную, регулятивную, организационную и т. п.).

Со временем на смену относительно единой раннефеодальной монархии в Киевской Руси стало

устанавливаться полицентрическое политическое устройство, признаки которого наиболее ярко проявились в XII столетии, после смерти Мстислава.

Наряду с процессами децентрализации в стране начали проявляться также тенденции раздробления и церковной власти. Можно сказать, что кроме стабилизирующих факторов, церковь инициировала проявление одновременно и дестабилизирующих элементов в социальной жизни. Характерной в этом смысле считается церковно-политическая борьба, которую в 60-е годы XII столетия развернул владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский. Посредством распространения религиозных мифов, скрываясь за ширмой религиозного благочестия, Боголюбский преследовал реальные политические цели: «чудесной Владимирской иконе Божьей Матери «не нравится» пребывание на Киевской земле» (Мосца, Richka 1996, p. 35) [2, с. 35]; получается, Киев начал утрачивать статус священного города – центра православия... Политическим подтекстом стало стремление к перенесению столицы Руси во Владимир-на-Клязьме, где для этих целей была предпринята попытка установить автокефальную митрополию.

Однако эта идея не получила поддержки в Константинополе, хотя Андрей Боголюбский и его брат Всеволод продолжили настаивать на том, чтобы Северо-Восточная Русь стала центром православия.

Таким образом, именно через церковные структуры осуществлялась национальная и культурная дифференциация, которая со временем привела к возникновению новых государственных образований. Эта особенная, хотя и малозаметная, функция церкви может считаться характерной для периода децентрализованной христианской Руси.

Особое место в структуре древнерусской церковной организации занимали монастыри. Первые из них появились, очевидно, при Ярославле, 1019 – 1054 г. Преимущественно монастыри можно рассматривать как первые институты социальной защиты населения: под их опекой находилась большая группа социально и материально обездоленных людей. Именно благодаря существованию монастырей церковь могла реально вмешиваться во внутригосударственную жизнь. Например, сдерживать своеволие светских правителей и судов, защищая обиженных и обманутых, укрывая преследуемых, излечивая больных.

Как уже отмечалось, история церкви прочно связана с историей самого государства, поэтому изменения в государственной жизни неизбежно влекли за собой изменения в направленности функциональной деятельности церкви.

Следующим важным этапом в трансформации церковной организации стал период татаро-монгольского нашествия. В 1237–1241 годах церковь переживала такое же состояние разрухи и опустошения, что и большинство регионов Киевской Руси: в местах боевых действий разрушались храмы, грабились монастыри, иногда физическая расправа постигала монахов и средние чины духовенства. Все эти акции зафиксированы в летописях о событиях, происходивших на пути орд Батая. Возвратившись из похода на Запад, монголы основали (приблизительно в 1243 г.) собственное милитаристское образование, со временем названное Золотой Ордой. Его правители на правах завоевателей навязали русским князьям свой сюзеренитет. Во второй половине XIII –XIV ст. Русь и особенно её северно-западные земли продолжали тер-петь ордынское военно-

политическое вмешательство. Но при этом можно говорить только об экономическом ущербе церковной организации, зато в морально-духовном плане её сила и влияние существенно возросли. Церковь действительно проявила свою политическую и идеологическую мощь. По мнению многих исследователей, «во второй половине XIII ст. наблюдается резкое возрастание популярности христианского вероучения и его распространение среди народных масс» (Мосца, Ричка 1996, р. 146) [2, с. 146]. В глазах народа церковь стала единой наследницей духовных ценностей, символом державного единства и его связи со всем христианским миром.

Также следует отметить тот факт, что в отличие от светской власти, древнерусская церковь в период татаро-монгольского нашествия, напротив, получила большую свободу действий. На протяжении первых десятилетий после монгольского завоевания она поддерживала антиордынскую княжескую коалицию, лидерами которой были Данила Галицкий и великий князь Андрей Ярославич.

Со временем церковь становится более сильным противником Золотой Орды, поэтому ряд чисто политических интересов заставил монгольских ханов подкорректировать свои отношения с русской церковью: церковная организация получила защиту своих социальных прав, некоторые экономические льготы, а также содействие в решении различных внутриорганизационных проблем. Восстановлен был статус Киева как общерусского церковного центра, места объединения государственной и церковной власти. Улучшение официальных отношений между церковью и правителями Золотой Орды позволило основать в ордынском политическом центре – Сарае – православную епископскую кафедру. Благодаря этому событию древнерусские князья смогли поддерживать через сарайского владыку постоянные контакты с правительством Орды. Церковь стала посредником, арбитром в отношениях воюющих государств.

Золотоордынские ханы, провозглашая веротерпимость, рассчитывали использовать церковь в качестве авторитетного посредника при установлении международных контактов с христианскими странами. На этом основании и строились все религиозно-церковные привилегии (освобождение духовенства от податей и повинностей; неприкосновенность церковно-монастырских землевладений и т. п.).

Одновременно, как отмечают в своих исследованиях О. П. Моця и В. М. Ричка, церковь являлась носителем патристических традиций и её роль в этом смысле нельзя игнорировать. Можно при этом обратить внимание, в качестве примера, на обращение митрополита Кирилла, провозглашенное на всерусском церковном соборе в 1273 году, где было акцентировано внимание церковных иерархов на разрушительных последствиях нашествия орд Батгя и на страданиях народа Руси под гнётом чужеземцев.

Велико было влияние православной церкви и на ход процессов формирования в пределах Руси трёх новых государственных образований. Начало этим процессам положило смещение религиозных центров; инициатором первого из них был митрополит Кирилл II. Митрополиту удалось нарушить предписания, согласно которым он должен проживать при дворе «киевского» князя, и он фактически перенёс свою деятельность на земли Северо-Восточной Руси. После смерти Кирилла II константинопольский патриархат

назначает митрополитом на киевскую кафедру Максима. После церковного собора (1284 г.), по малоизученным причинам, митрополит был вынужден перенести свою кафедру из Киева во Владимир (Юго-Запад Руси). Некоторые исследователи объясняют это тем, что Максим не вынес татарского насилия и скудных условий своего сосуществования в Киеве.

Однако планы церковной верхушки по смещению религиозного центра не удалось развернуть, т. к. в XIV веке православные епархии оказались под властью главы княжества Литовского – князя Ольгерда, которому удалось покорить земли Среднего Приднепровья и Подола и присоединить их к Великому княжеству Литовскому. Таким образом, митрополиты «киевские и всея Руси» стали, по сути, главами церкви Северо-Восточной Руси. Со временем развернулся большой церковно-политический конфликт, за которым стояли личные амбиции русских князей и, не в меньшей мере, амбиции церковных иерархов, каждый из которых претендовал на всерусское главенство собственной церковной организации, что повлекло бы за собой расширение поля влияния на все русские земли.

Врезультатеисторикамиконстатируетсявозникновение трёх отдельных митрополий – религиозных центров: Киев, Владимир, Галич – в границах прежде единой церковной организации. Религиозное разделение стало важнейшим этапом в разделении политическом и послужило началом культурно-этнического отделения некоторых земель Руси.

Церковно-политическое противостояние, наблюдавшееся главным образом между землями Юго-Западной и Северо-Восточной Руси, зафиксировано в актах Константинопольской патриархии, где встречаются такие термины как «Малая Русь» и «Великая Русь». Нельзя, конечно, сказать, что эти термины наполнены этнографическим или национальным содержанием, однако они являются важным штрихом, обозначившим начало формирования на юго-западных и северо-восточных землях новых государственно-политических образований.

Установление церковно-административного (а также политического) разделения Руси вызывало несогласие и противодействие со стороны Византии. Византийская церковная организация на правах покровителя (церкви-матери) тормозила процессы формирования национальной государственности у народов православной конфессии. Константинопольский патриарх неоднократно выступал за сохранение единой церковной организации и единой светской власти на Руси: «Не на добро и не на пользу им будет, если и церковная область распадется на многие части, что, напротив, единый для всех митрополит будет как бы связью, соединяющей их с ним и между собою, установит там одну власть духовную, за невозможностью привести к единству власть мирскую» (Мосца, Ричка 1996, р. 166) [2, с. 166].

Церковная независимость в этот период означала также и политическую независимость, и наоборот.

Собственно, поэтому и великий литовский князь Ольгерд стремился, чтобы церковно-административные владения соответствовали политическим границам, в пределах которых распространялась его власть. Этого добивались и другие князья (например, Роман, польский король Казимир, во власти которого находилась тогда Галичина и Волынь).

Приблизительно по такому же принципу развивались

события в Московском княжестве (1376 г.), когда великий князь Дмитрий Иванович, не желая политического воссоединения Руси, стремился к обособлению местной митрополии, высказав открытый протест против установленной Константинополем кандидатуры. Выдвинув собственную кандидатуру на пост митрополита «киевского и Великой Руси», князь направил в Византию посольство, которому удалось добиться «не только утверждения великорусской» национальной церкви, но и права выбора князьями её главы...» (Мочја, Ричка 1996, р. 201) [2, с. 101].

Таким образом, в период церковно-политической борьбы Москва решительно продемонстрировала своё влияние на политику Константинополя, отстояв автокефалию своей церкви, а также Галич, князь которого сумел добиться обновления Галицкой митрополии. Отношения между тремя митрополиями на протяжении XIV – нач. XV столетий были напряженными в силу политической ситуации, которая имела своим следствием полный социально-политический разрыв, закрепленный разрывом церковным, а также образование двух этнополитических общностей, что придавало двум частям русского православия целиком своеобразную государственно-этническую окраску и статус.

Эпоха Киевского христианства завершилась татаро-монгольским нашествием и перенесением резиденции киевских митрополитов на север, с чего и началось преобразование Киевской митрополии в Московскую. С этого момента история киевского (украинского) и московского (русского) православия разделилась.

Библиографические ссылки

1. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII века. Принятие христианства / О. М Рапов – М.: Высш. школа, 1988. – 416 с.
2. Мочја О. П., Київська Русь: від язичництва до християнства / О. П. Мочја, В. М. Ричка – Київ: Глобус, 1996. – 224 с.
3. Никитина Ю. И. Софийский собор / Ю. И. Никитина – Л.: Лениздат, 1967. – 32 с.
4. Політологія / За ред. О. І. Семківа. – Львів: Світ, 1994. – 592 с.
5. Євсєєва Т. М. Церковна еліта та її роль у процесі формування політичної самосвідомості в Україні / Т. М. Євсєєва // Український історичний журнал. – 1999. – №2 (425).
6. Wardlaw G. Political Terrorism. Theorie Tactics and Countermeasures / G. Wardlaw – Gamb., 1982. – P. 51

Дементьєва В. В., Кваша О. П. Становлення християнської церковної організації як найважливішого політичного інституту Київської Русі

Впродовж століть універсальною, консолідуючою, мотиваційно-інспіруючою силою в багатьох суспільних системах виступала церква. Тому її потужного духовного потенціалу в рамках політичного функціонування особливо гостро потребують періоди суспільних криз, трансформацій і нестабільності. Проте, цей потенціал й досі залишається мало вивченим та дослідженим у вітчизняній політологічній думці. Зокрема, мало дослідженим залишається такий важливий поворотний момент в історії християнської церкви, як початок перетворення церковної організації в один з головних політичних інститутів соціально-політичної системи давньоруського суспільства. Дослідженню даного феномену і присвячена пропонована стаття.

Ключові слова: церковна організація, політичні функції, політична система суспільства, держава, культурна диференціація.

Dementieva V., Kvasha A. Genesis of the Christian church organization as the key political institution of the Kievan Rus
The Church was the universal, unifying, motivational and

inspiring force in many social systems for centuries. So its powerful spiritual potential is particularly acute in demand in times of social crises, transformations and instability. However, this potential is still not fully known, and was not used in the national political science practice. Such an important moment in the history of the Christian church as the beginning of its transformation into one of the main institutions of the political system of ancient society is especially little studied. The proposed article is devoted to the exploration of this fact.

Since its formation and development of ecclesiastical organization of Kievan Rus became actively involved in political life and quickly became avatar the state, contributing to its formation, integration, consolidation and development.

However, this process wasn't painless. According to most historians, in some regions of Rus Christianity was literally forced upon, and in some states, such as Novgorod, Suzdal, social protests against the new religion took the form of religious and political struggle. But in this case the church should not be put to blame of social protests and irregularities. On the contrary, there is evidence that the church has served as the stabilization of the system during its transformation into a feudal society.

For example, the church organization had sufficiently flexible policy, which includes the protection for the most disadvantaged groups of the population of the Old Russian state. With methods available to her, it rose against the feudal arbitrariness, hard extortions from the people and extremes of the social life of the time. Such activity, of course, was not completely effective, but still objectively helped to smooth the social contradictions and maintain a relatively stable and peaceful situation in the country.

This article is particularly pointed out to such political functions of the church, as legitimating, integrative, culture-translating, philosophical, communicative, psychotherapeutic and educational. This function certainly evolved over time, depending on the prevailing historical and political situation (for example, the balance of political forces, the national interest, national status of the church, etc.).

Keywords: church organization, the political functions, the political system of the society, the state, cultural differentiation.

References

- Rapov O. M., 1988. Russkaja cerkov' v IX – pervoj treti XII veka. Prinjatje hristianstva [Russian church in the ninth century – the first third of the XII century. The adoption of Christianity], Vyssh. shkola publ, M.
- Mocja O. P., Richka V. M., 1996. Kiivs'ka Rus': vid jazichnictva do hristijanstva [Kievan Rus, from paganism to hristiyanst Islands], Globus publ, K.
- Nikitina Ju. I., 1967. Sofijskij sobor [St. Sophia Cathedral], Lenizdat publ, L.
- Politologija [Political Science], 1994, Za red. O. I. Semkiva, Svit publ, L'viv.
- Yevseeva T. M., 1992. Cerkovna elita ta її rol' u procesi formuvannja politichnoї samosvidomosti v Ukraїni [Ecclesiastical elite and its role in the formation of political consciousness in Ukraine], Ukraїns'kij istorichnij zhurnal [The Ukrainian Historical Journal], №2 (425).
- Wardlaw G., 1982. Political Terrorism. Theorie Tactics and Countermeasures, Gamb.

Надійшла до редколегії 14.05.2013 р.